

ПРИНСТОНСКИЕ ОБРАЗЫ: ФИЗИКА – ЭЙНШТЕЙН – ЕВРЕЙСТВО

Лекция на конференции Просветительской организации LIMMUD
Принстон, 12 мая 2012 года

Когда мне предложили сделать доклад на обозначенную в заголовке тему, я почти сразу согласился – тема показалась очень интересной и даже содержащей некий нетривиальный вызов. Действительно, эта великая триада Физика–Эйнштейн–Еврейство излучает огромную интеллектуальную энергию, эта тема необъятна и до конца вряд ли постижима, а все ее компоненты исследованы вдоль и поперек в тысячах специальных работ. Поднять такого масштаба тему не в моих силах, и, возможно, лишь на стыке всех трех составляющих этой великой триады удастся еще отыскать что-либо, не вполне исследованное. Поразмышлять на тему триады, вероятно, полезно каждому думающему человеку, и я, не без колебаний, решаюсь представить несколько мыслей о проблемах на стыке между великим ученым, с одной стороны, и наукой, религией и еврейством, с другой...

Здесь, в Принстоне, образы науки и ее величайшего гения видятся и чудятся во всем – от старинных зданий и дорожек парков до университетских аудиторий и филармонического зала. Трудно себе представить физику и вообще науку XX века без Принстонского университета и Института перспективных исследований в Принстоне. Для иллюстрации этого достаточно назвать хотя бы нескольких работавших здесь ученых, имена которых известны во всем мире не только специалистам:

Альберт Эйнштейн – Нобелевский лауреат, автор специальной и общей Теории относительности.

Юджин Вигнер – Нобелевский лауреат, автор фундаментальных «принципов симметрии» в квантовой механике и теории элементарных частиц, талант которого приравнивали к эйнштейновскому.

Фрэнк Вильчек – лауреат Нобелевской премии за открытие «асимптотической свободы в теории сильных взаимодействий».

Джон фон Нейман – легендарный ученый универсального склада, праотец современной архитектуры компьютеров – «архитектура фон Неймана», автор «теории операторов» в приложении к квантовой механике – «алгебра фон Неймана», участник Манхэттенского проекта, создатель теории игр.

Джон Арчибальд Уилер – президент Американского физического общества, соратник Нильса Бора и Альберта Эйнштейна, автор известных в физике понятий «черная дыра» и «кротовая нора».

Джулиус Роберт Оппенгеймер – «отец атомной бомбы», научный руководитель Манхэттенского проекта, один из руководителей Института перспективных исследований в Принстоне.

Фримен Джон Дэйсон – один из создателей квантовой электродинамики.

Эдвард Виттен – один из ведущих в мире исследователей «теории струн» и квантовой теории поля.

Леопольд Инфельд – сподвижник и соавтор Эйнштейна по знаменитой книге «Эволюция физики».

Джордж Юджин Уленбэк – крупнейший исследователь в области квантовой механики, атомной и ядерной физики, первооткрыватель «спина электрона».

Абрахам Пайс – автор идеи «ассоциативного рождения странных частиц», «теории смешанных состояний частиц и их осцилляций», ввёл термины «лептон» и «барион».

Курт Фридрих Гёдель – крупнейший математик XX века, наиболее известный сформулированной и доказанной им «Теоремой о неполноте».

Амалия Эмми Нётер – «самая крупная женщина-математик, когда-либо существовавшая».

Этот список можно продолжить, но не в его полноте наша задача...

Если говорить о современной физике, то она все больше погружается в глубинные слои материи, ею открыты уже сотни видов элементарных частиц, и конца этому процессу расширения познанных не видно, равно как и не видно сужения непознанного. Физические описания становятся похожими на лирические поэмы с терминологией, прежде свойственной произведениям искусства. Вот, например, краткое описание недавно открытой с помощью Большого Адронного Коллайдера новой элементарной частицы:

“Возбужденный прелестный кси-барион (Ξ_b^{*0}), как и все барионы, в том числе протоны и нейтроны, состоит из трех кварков. Кварки имеют шесть сортов или “ароматов”, и, сочетаясь в разных комбинациях, образуют наблюдаемые элементарные частицы. Обнаруженный кси-барион состоит из верхнего, прелестного и странного кварков. Отрицательные заряды прелестного и странного кварков (по трети заряда электрона) компенсируются положительным зарядом верхнего кварка (две трети заряда электрона), поэтому в целом частица электрически нейтральна”.

Возможно, вся эта поэтическая терминология – «возбужденные», «прелестные», «странные» и тому подобные элементарные частицы, имеющие, к тому же, несколько «ароматов» – отражает тот очевидный факт, что физика давно уже оторвалась от возможностей человеческого восприятия и даже воображения. Возможно, это результат общего кризиса физических идей, о которых прямо и честно говорят сами ученые. Например, известный американский физик профессор Ли Смолин в книге «Неприятности с Физикой» [1] пишет «о кризисе в области фундаментальной физики – той части физики, которая связана с открытием законов природы». «Мы пропускаем что-то большое» – утверждает Смолин, анализируя современное состояние физических теорий. Другой ученый – известный биолог Александр Ябров, живущий здесь в Принстоне, связывает кризис физики и биологии с отсутствием общей теории существования. Теория существования, которую он развивает в своих трудах [2,3] – это и есть, по мнению Яброва, то «большое», что мы, согласно Смолину, «пропускаем».

Наблюдая процессы погружения современной физики, с одной стороны, в невидимый и невообразимый микромир, где частицы материи и волны энергии неразличимы, а, с другой стороны, в пугающе гигантский и человеческому воображению недоступный мир бесконечной Вселенной, невольно задаешься вопросом – приближают ли нас эти процессы познания к пониманию всеобъемлющих законов природы?

В своем развитии физика, а в более широком плане – вообще процесс познания мироздания, могут быть рассмотрены или представлены как бесконечный ряд накопления знаний о природе. Здесь возможна аналогия с математическим рядом, в котором каждый последующий член добавляется к накопленной сумме всех предыдущих членов. Как известно,

математический ряд может быть сходящимся или расходящимся. В первом случае сумма членов ряда при бесконечном добавлении все новых и новых положительных слагаемых стремится к некоторому конечному пределу, а во втором случае такого предела не существует и говорят, что ряд расходится.

Для Эйнштейна было характерным представление о развитии физики, как о сходящемся ряде. Его гигантские усилия создать Общую теорию поля, которой он посвятил более 20 лет своей работы здесь в Принстоне, были, по существу, попыткой приблизиться к пределу сходящегося ряда. Однако, реальное мировое развитие физической теории пошло в направлении расходящегося ряда – каждое новое открытие в области элементарных частиц и их взаимодействий приводит к увеличению знаний о природе микромира, но отнюдь не уменьшает незнаемого, а, напротив, расширяет горизонт новых загадок мироздания. В этой «несходимости» процесса физического познания, может быть, и состоит вполне естественный кризис современной физики. Альберт Эйнштейн был свидетелем расходящегося процесса физических исследований, противился по мере своих возможностей этому, но не мог не принять суровую реальность бытия – раскрытие все новых и новых физических законов мироздания не приводит к его окончательному и однозначному постижению.

Тем не менее, за пределами бесконечного ряда физического познания мироздания, будь он сходящимся или расходящимся, Эйнштейн видел то, что он называл Богом – творца природы и ее законов в слиянии со своим творением. В случае сходящегося ряда, Бог – это тот предел, к которому стремится творческая мысль человека, приближаясь к нему, но никогда не достигая его, а в случае расходящегося ряда, Бог – это в принципе непостижимая для человека сверхгигантская сущность мироздания, которая доступна человеческому разуму лишь в своих ограниченных проявлениях.

В этом пункте, в рамках нашей темы, мы неизбежно вторгаемся в проблему отношения Эйнштейна к религии. Этой проблеме посвящены сотни публикаций и десятки специальных книг, многие из которых так и называются «Эйнштейн и религия» или что-либо в этом роде. На эту тему было и много недобросовестных спекуляций. Например, в бывшем СССР официальная пропаганда настаивала на атеизме Эйнштейна – очень им хотелось, чтобы великий ученый не верил в Бога. Создав мракобесный образ верующего человека и карикатурный образ Бога, советские воинствующие атеисты убеждали всех, что Эйнштейн, хотя и не дозрел до высот марксизма-ленинизма, но, тем не менее, в Бога не верил. Здесь уместно напомнить известную раввинскую шутку: *«В такого Бога, в которого вы не верите, я тоже не верю!»* Следует сказать, что сам Эйнштейн резко обрывал тех, кто пытался поддержать атеизм его именем. В 1941 году он говорил [4]:

«Я понимаю, что есть люди, отрицающие существование Бога, но я воистину прихожу в ярость, когда меня цитируют, чтобы поддержать подобные воззрения.»

Однако и в наше время продолжают попытки извратить религиозные взгляды Эйнштейна. Подчеркиваются, например, его высказывания, отрицающие возможность прямого вмешательства высшей силы в личную судьбу каждого человека. Приводится также его известное высказывание о том, что он причисляет себя к агностикам. Акцентирование подобных высказываний, на мой взгляд, предствляет собой попытку вульгарно упростить проблему отношения великого ученого к религии. А между тем Эйнштейну принадлежит известная сентенция [4]: *«Наука без религии – хромая, религия без науки – слепая»*. В этом

высказывании ключ к пониманию основ отношения ученого к религии – эти основы укоренены в его представлениях о законах мироздания и путях их научного познания...

Ни в коей мере не претендуя на раскрытие этой огромной темы, я бы хотел кратко сформулировать свое мнение по данному вопросу.

Альберт Эйнштейн действительно возражал против *«наивного»*, как он говорил, или примитивного представления о Боге, как некоем сверхсуществе, непрерывно вмешивающемся в повседневное бытие человека, он не верил ни в существование такого Бога, ни в потребность в нем. Один из центральных вопросов религиозной философии – проблему противоречия между свободой выбора и божественной предопределенностью [5] – Эйнштейн разрешил разрубанием гордиева узла: Всевышний не вмешивается в процесс свободного выбора индивидуумов и не занимается их нравственным совершенствованием подобно надзирателю в колонии для малолетних преступников.

Несмотря на это представляется, что Эйнштейн был одним из самых религиозных ученых XX века. Религиозным не в смысле скрупулезного исполнения обрядов и поведенческих предписаний, а в своем глубоком убеждении в целостном, гармоничном устройстве мироздания, подчиняющемся некоему общему закону, который, в конечном счете, и есть единый Бог... В этом понимании религиозности он очень близок к своим великим предшественникам: Галилео Галилею, Исааку Ньютону и Баруху Спинозе – глубоко религиозным людям, протестовавшим, тем не менее, против церковной схоластики и церковных запретов на свободное развитие научных знаний. Особенно близки Эйнштейну религиозно-философские воззрения Спинозы, в первую очередь, введенное Спинозой представление о единстве Творца и творения.

Физические законы природы, по убеждению Эйнштейна, имеют, может быть, и неизвестные нам, но простые истоки, а физические явления развиваются согласно определенным причинно-следственным связям и должны иметь ясную и логичную теорию. Парадоксальная мысль Эйнштейна – в совершенной физической теории должны отсутствовать безразмерные константы. Эйнштейн задавал вопрос, мог ли Бог сотворить мир другим, оставляет ли какую-то свободу требование логической простоты? Другими словами – можно ли было создать природу другой, отличной от существующей, с другими физическими законами? Есть ли в действиях Создателя место для случайности и неопределенности, которые мы видим, например, в квантовой физике? Судя по письмам Эйнштейна [6], он склонялся к мысли «что Бог не мог составить мир другим и что требование логической простоты определяет картину мира однозначным образом». Эта убежденность ученого в неслучайной и однозначной конструкции мироздания объясняет основу его религиозности – только Создатель мог задать логически совершенную конструкцию природы.

В вопросе познания законов природы Эйнштейн долгое время упорно придерживался, как уже упоминалось, концепции «сходящегося ряда» – наука постепенно, шаг за шагом, приобретая все большую логическую ясность, приближается ко все более точному описанию действительности. Этот эйнштейновский «сходящийся ряд» есть его дорога к Богу, ибо конечный пункт научного прогресса представляет собой постижение Создателя.

В этом понимании пути науки Эйнштейн, в определенной мере, разошелся с физикой XX века, которая фактически соответствовала скорее расходящемуся ряду. Об этом свидетельствуют его эмоциональные дискуссии с Нильсом Бором и другими создателями квантовой физики [6,7]. Складывается, однако, впечатление, что ученый, в конце концов, смирился с доминированием вероятностных законов квантовой механики и стохастического

описания взаимодействия элементарных частиц, как единственно возможного. В такой модели познания законов мироздания Бог начинается там, где кончается способность человека постигать и понимать бесконечную сложность строения Вселенной. Я убежден, что в конечном итоге именно таковой была суть эйнштейновской религиозности. В предисловии к своему эссе «*Наука и религия*» он писал [8]:

«Каждый, кто серьезно вовлечен в занятия наукой, приходит к убеждению, что законы природы демонстрируют наличие некоей сущности, значительно превосходящей все доступное людям, перед лицом этой сущности наши скромные возможности выглядят ничтожными. Поэтому занятия наукой приводят к особому виду религиозности...»

Таким образом, приверженность Эйнштейна к «особому виду религиозности» основана на его убеждении в принципиальном ограничении возможностей человека в процессе познания им законов природы – за тем барьером, где разум человека уже не работает, начинается некая недоступная человеку сущность, которую ученый называет Богом. В эссе «*Во что я верю*», написанном после философских бесед с Рабиндранатом Тагором, он прямо говорил об этом [8]:

«Осознание того факта, что существует нечто, во что мы не можем проникнуть, ощущение того, что нашему уму доступны только примитивные формы познания глубочайших корней и лучезарной красоты сущего – это и есть истинная религиозность; в этом, и только в этом смысле, я являюсь глубоко религиозным человеком».

Как мы видим, Эйнштейн напрямую связывал понятие религиозности и свою веру в Бога с ограничениями, наложенными природой на способность человеческого разума к познанию. Для этого великого ученого вообще характерно достаточно скептическое отношение к возможностям разума – в отличие от многих физиков его времени, он не верил в абсолютное доминирование разума в жизни человеческого общества. В речи «*Цель человеческого существования*» [9], произнесенной по радио в 1943 году, в разгар Второй мировой войны, он сформулировал свое отношение к этой проблеме следующим образом:

«Наша эпоха гордится своими достижениями в интеллектуальном развитии человечества. Поиски истин и знаний, стремление к ним, являются безусловным достоинством человека. Однако, по всей вероятности, нам не следует возводить в кумиры эту способность к познанию. Несомненно, разум обладает большой мощью, но сам по себе он не способен вести, а может лишь служить инструментом. Кроме того, он не разборчив в выборе хозяина... Разум незаменим при выборе методов и средств. Однако он слеп, если речь идет о приоритетах и конечных целях (все подчеркивания сделаны мною – Ю.О.). И эта фатальная слепота разума передается из поколения в поколение, от стариков к молодым, и сегодня охватила целое поколение...».

Что же, с точки зрения Эйнштейна, может заменить или подкрепить разум в выборе «приоритетов и конечных целей»? Вспомнив его высказывание о том, что «наука без религии хромая», можно определенно утверждать – Эйнштейн верил в необходимость доминирования нравственных, по существу Библейских, законов при разрешении стратегических проблем человечества. С особой эмоциональной мощью и остротой великий ученый подчеркивал приоритет нравственных законов, привнесенных в мир евреями,

подвергающимися за это невиданной в истории человечества травле и жесточайшим преследованиям:

«Пророки, наши еврейские предки, провозгласили, что совершенствование человека должно подчиняться прекрасной цели. Человечество может стать сообществом свободных и гармоничных людей. Но сегодня миром правят грубые человеческие страсти, столь необузданные, что их нельзя и сравнить с предыдущей эпохой. Незначительным меньшинством оказывается повсюду наш еврейский народ. У него нет надежных средств защиты. При этом больше, чем какой-либо другой народ, он подвергается жесточайшим преследованиям, если не полному уничтожению. Эта свирепая ненависть зиждется на том, что именно мы дали миру идеалы гармоничного сотрудничества и усилиями лучших сынов нашего народа воплотили их в слово и дело».

В этом месте нашего путешествия среди Принстонских образов великой триады Физика–Эйнштейн–Еврейство мы переходим к ее второму компоненту: Эйнштейн–Еврейство.

Связь великого ученого с еврейским народом подвергалась остракизму как на протяжении всей его жизни, так и после смерти. В нацистской Германии эта связь послужила причиной отторжения идей и научной школы Эйнштейна, за что немцы, в конечном итоге, заплатились значительной деградацией своих интеллектуальных возможностей. На другом полюсе мракобесия – в бывшем Советском Союзе, кичившемся своим «интернационализмом», эта связь, равно как и сам факт еврейского происхождения ученого, подвергались жесткому и подлому замалчиванию. В первой советской книге, содержащей подробную «биографию» и анализ научного творчества Эйнштейна, выпущенной Академией наук СССР уже в послесталинские времена в 1962 году [6], на 400-х страницах слово еврей не встречается ни разу – по-видимому, это было одним из условий издания книги, выдвинутых цензурой. Вспоминаю еще, что в 1970-е годы в СССР был выпущен справочник по истории физики, в котором были краткие биографии всех известных физиков вплоть до докторов наук. Биографии сопровождалась маленькими фотографиями ученых размером с почтовую марку, но четыре «величайших физика» – Галилей, Ньютон, Ломоносов и Эйнштейн – были представлены большими портретами во всю страницу. Под первыми тремя портретами были подписи: «Великий итальянский физик Галилео Галилей», «Великий английский физик Исаак Ньютон», «Великий русский физик Михайло Ломоносов»... С нетерпением листая справочник, чтобы посмотреть, что написано под портретом Эйнштейна, я, в конце концов, нашел: «Великий физик-теоретик Альберт Эйнштейн». Я никогда не был склонен к преувеличенному вниманию к национальности ученых, но тогда подумал: «Если вы, господа-издатели, сочли необходимым подчеркнуть, что Михайло Ломоносов – русский ученый, извольте отметить, что Альберт Эйнштейн – еврейский ученый»...

Каковы же, на самом деле, связь Эйнштейна с еврейством и его участие в еврейской истории XX века? Мое мнение на этот счет однозначно – ни один крупный ученый XX века, может быть, за исключением знаменитого химика Хаима Вейцмана и выдающегося философа Мартина Бубера, не внес столь значительный вклад в борьбу еврейского народа за свои права и национальное освобождение, как Альберт Эйнштейн!

Нет необходимости повторять хорошо известные факты борьбы ученого с нацизмом и преследованием евреев в Европе в 30-е и 40-е годы прошлого века. В 1933 году в знак протеста против политики нацистов в отношении евреев он отказался от немецкого гражданства и членства в Прусской и Баварской академиях наук, а после Второй мировой

войны отверг предложение вернуться в Германию, ибо полагал, что подобный акт может быть использован для оправдания, забвения и прощения преступлений немецкого народа против евреев.

Менее известны факты осуждения Эйнштейном советского государственного антисемитизма. Альберт Эйнштейн симпатизировал и помогал Соломону Михоэлсу, с которым встречался в 1943 году во время визита великого актера в США в качестве председателя Еврейского антифашистского комитета СССР (ЕАК) для сбора средств в поддержку Красной Армии. После неожиданной и подозрительной смерти Михоэлса в начале 1948-го года, до ученого стали доходить сначала слухи, а затем – все более определенные сведения о еврейских погромах в СССР: кампания против «безродных космополитов», странное, необъяснимое исчезновение всех руководителей ЕАК (они были тайно расстреляны в 1952 году), антисюнистская истерия с репрессиями и расстрелами евреев на автозаводе имени Сталина, и, наконец, средневековое юдофобское мракобесие Дела врачей. Эйнштейн понимал, что дело движется к новому Холокосту, он прислал в Советское представительство при ООН возмущенное письмо, но советский представитель – кровавый палач Андрей Вышинский – не посчитал нужным ответить.

Несмотря на свои космополитические, интернациональные взгляды (в хорошем смысле этих слов, которые ученый заменял словами «*универсальная человечность*») Эйнштейн был убежденным сионистом на всех этапах своей жизни, начиная с 20-х годов. Это особенно раздражало советских идеологов и пропагандистов, для которых слово «сионизм» всегда было исключительно ругательным. Ученый определял сионизм как «*национальное движение, целью которого является не власть (над другими), а сохранение собственного достоинства*». Именно сионистские взгляды великого ученого были одной из причин его травли в советской печати и «советской научной литературе». Вот некоторые высказывания Альберта Эйнштейна из сборника [4], которые следовало бы знать современным левым критикам сионизма:

«Сионизм являет собою поистине новый еврейский идеал и может вернуть еврейскому народу радость существования».

«... тем (евреям), кто выжил (в Холокосте), сионизм дал внутренние силы перенести бедствие с достоинством, не утратив здорового самоуважения»

«Иудаизм в большом долгу перед сионизмом, потому что сионистское движение возродило среди евреев чувство общности».

«Сионизм выполнил продуктивную работу в Палестине благодаря самоотверженному труду евреев со всего мира...»

«Я рассматриваю возрождение еврейского самосознания как необходимое условие нормальной жизни вместе с другими народами. Это главный мотив моего присоединения к сионистскому движению... Сионизм укрепляет самосознание евреев, которое столь необходимо для их существования в диаспоре, а еврейский центр в Палестине обеспечивает им мощную моральную поддержку.»

Любопытно признание ученого о его собственном пути к сионизму, признание, столь близкое и понятное тем, чья жизнь прошла в условиях мракобесных тоталитарных режимов:

«Вплоть до недавнего времени я жил в Швейцарии, и пока был там, я не сознавал своего еврейства... Когда я приехал в Германию, я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие помогли мне больше неевреи, чем евреи... Тогда я понял, что лишь совместное дело, которое будет дорого всем евреям в мире, может привести к

возрождению народа...Если бы нам не приходилось жить среди нетерпимых, бездушных и жестоких людей, я бы первый отверг национализм в пользу универсальной человечности».

Следует подчеркнуть, что Эйнштейн не просто на словах поддерживал национально-освободительную борьбу еврейского народа, но и активно участвовал в создании еврейского национального очага в Палестине и государства Израиль. Особенно значительной была роль великого ученого в создании Еврейского университета в Иерусалиме. В числе других всемирно известных ученых, включая Зигмунда Фрейда и Мартина Бубера, он вошел в число отцов-основателей и попечителей университета и прочитал первую в его истории лекцию по Теории относительности прямо на строительной площадке на горе Скопус в 1923 году. Глубоко символично, что все свои письма и рукописи Эйнштейн завещал Еврейскому университету в Иерусалиме.

Подытоживая наш экскурс в проблему взаимоотношений Альберта Эйнштейна с еврейством, как всемирно-историческим феноменом, следует, вероятно, оценить состояние еврейства на момент рождения ученого в 1879 году. Здесь я хотел бы привести оценку, данную великим немецким философом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем за полвека до рождения Эйнштейна, но вполне отражающую восприятие проблемы во времена второй половины XIX века.

Согласно исторической концепции Гегеля, народы идут по дорогам истории караваном, во главе которого шествует избранный народ. Но честь и судьба избранничества может выпасть лишь тому народу, который выдвинет влекущую и чрезвычайно высокую общечеловеческую идею. Выполнив же свое предназначение, избранная нация уходит с исторической арены, передавая эстафету избранности другой нации. В свое время, по схеме Гегеля, во главе человеческого каравана встала еврейская нация. По мнению Гегеля, еврейский народ сыграл решающую роль в культурно-духовной истории мира тем, что открыл принцип монотеизма, воплощением которого явился Моисеев закон. Сделать Библейские заповеди нравственной основой человеческого бытия, привести их в мир – в этом было историческое предназначение евреев, и это предназначение обеспечило им столь длительное существование. Однако именно это конкретное предназначение, вполне логично полагал философ, влечет за собой неизбежное исчезновение евреев с исторической арены по завершении своей миссии. По мысли Гегеля, окончательная победа христианства превратила носителя единобожия – народ Израиля – в «пустой сосуд». Еврейский народ, рассуждал Гегель, должен сойти с подмостков истории точно так же, как сошли с нее прочие народы после своего вклада в мировую культуру.

Нельзя отказать основоположнику диалектики в убедительности построенной им схемы. Но нельзя отказать и еврейскому народу в способности ломать сколь угодно логичные схемы, в фатальной его предрасположенности к существованию вне рамок всякой логики.

Гегелевская теория «пустого сосуда» не подтвердилась. Не прошло и 50 лет с момента его предсказания, как в лоне еврейского народа родился гений, перевернувший представления людей о пространстве и времени, а в более широком плане – изменивший ход человеческой истории.

Если говорить с высот нашего времени, то картина представляется еще более поразительной. За последние полтора столетия еврейский народ претерпел такие страшные гонения, которые, казалось бы, должны были привести к безусловной реализации скорбного предсказания великого философа, но что-то в его схеме не сработало. То ли христианство еще не победило окончательно, то ли евреи не донесли свой закон до всех, кому он свыше предназначен, то ли евреи еще для чего-то понадобились человечеству, то ли они вообще

почему-то неистребимы, но факт остается фактом – евреи опять не исчезли и, похоже, даже не собираются этого делать.

А «пустой сосуд» уже в послегегелевские времена внезапно зафонтировал с такой невиданной мощью, как будто в нем свершился Большой взрыв интеллектуального сгустка невероятной плотности. Фонтанируя с нарастающей силой уже полтора столетия, «пустой сосуд» совершенно непредсказуемо выплеснул из себя в XX и в начале XXI века более 130-и личностей, «принесших наибольшую пользу человечеству» – Нобелевских лауреатов в науке и литературе. Выплеснул среди прочего и человека, признанного гением №1 XX века – Альберта Эйнштейна.

Выдающийся английский историк Пол Джонсон в послесловии к своей *«Истории евреев»* констатирует [10]:

«Значительная часть интеллектуального реквизита в пьесе современного мира несет на себе клеймо еврейского авторства».

Если дополнить это утверждение современного историка законом русского религиозного философа Сергея Булгакова [11] о неистребимости и непобедимости еврейства, то можно прогнозировать, что и в будущем *«значительная часть интеллектуального реквизита»* человечества будет создана еврейством, хотя замысел Божий *«в пьесе современного мира»* никому не известен.

В заключение нашего рассмотрения триады Физика–Эйнштейн–Еврейство я бы хотел сказать кратко – Альберт Эйнштейн, как личность и как ученый, является выдающимся феноменом и лучшим доказательством вечного цветения основного ствола еврейства... Этот ствол, названный знаменитым русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым «осью всемирной истории», еще не раз удивит мир новыми открытиями разума и достижениями человеческого духа...

Юрий Окунев

Май 2012, Принстон

ЛИТЕРАТУРА

- [1] L. Smolin, «The Trouble with Physics: The Rise of String Theory, the Fall of a Science, and What Comes Next», Houghton Mifflin Co., Boston, 2006.
- [2] A. Yabrov, «How Man Exists», Bloomington, Indiana, 1st Books Library, 2001.
- [3] A. Yabrov, «From Uncertainty of Ignorance to Uncertainty of Science. Tractatus Scientifico-Philosophicus», Bloomington, Indiana, 1st Books Library, 2002.
- [4] A. Calaprice (Editor), «The Expanded Quotable Einstein», Princeton University Press, 2000.
- [5] Б. Файн, «Вера и разум», изд-во Менахаим, Иерусалим, 2007.
- [6] Б. Кузнецов, «Эйнштейн», изд-во АН СССР, Москва, 1962.
- [7] A. Pais, «The Science and the Life of Albert Einstein», Oxford University Press, 1982.
- [8] M. Jammer, «Einstein and Religion», Princeton University Press, 1999.
- [9] Albert Einstein, “The Einstein Reader”, Chapter 50 – “The Goal of Human Existence”, p. 238, CITADEL Press, New York, 2006.
- [10] P. Johnson, «A History of the Jews»; П. Джонсон, «История евреев», Вече, Москва, 2000.
- [11] Ю. Окунев, «Ось всемирной истории», M-Graphics Publishing, Boston, 2009; Yu. Okunev, «The Axis of World History», AuthorHouse Publishing, Indiana, USA, 2009.